

«Барон, начальник стражи, двое стражников, которые несли её, и священник, которого здесь нет. Это те, кого я должен убить». Так думал Атос, наблюдая за «казнью» с крыши соседнего здания.

Взгляд его был прикован к фигурам на помосте. Его бесило то, что они обратили смерть его матери в представление. В особенности барон, который притворялся, что сожалеет, лишь для того, чтобы скрыть своё злодеяние.

«Во всем этом виноват . Это он приказал капитану забрать мою мать, так же, как он использовал её в качестве козла отпущения, когда люди устроили бунт перед его домом». Так думал Атос, ошибочно указав на виновника.

Как и горожане, Атос считал, что во всем виноват барон.

Гнев Атоса был таким сильным, что он сам того не заметив, изменил форму своей маны, и вместо того, чтобы слиться с окружением, стал излучать слабую ауру.

"Эм? Кто это?" Рикли почувствовал ее ауру, даже на расстоянии. Как маг, он был чувствителен к любым изменениям в мане, и ауру он не мог проигнорировать.

Он попытался использовать магическое зрение, чтобы осмотреть окрестности, но ничего не нашел.

...

'Было ли это моим воображением?' Он задавался вопросом несколько секунд, прежде чем забыть об этом.

"Я проявил беспечность. Мне нужно помнить, что следует опасаться этого парня, когда я пойду за бароном", - сказал Атос, лежа на крыше здания, чтобы его не увидели, используя при этом ману, чтобы снова стереть свое присутствие.

'Я отомщу каждому из них, но сначала мне нужно подготовиться. Я не добьюсь ничего, кроме преждевременной смерти, если буду безрассудным'. Это была последняя мысль Атоса, прежде чем он покинул это место.

Следующая неделя в городе Фальтре прошла в суматохе. Несмотря на попытки барона скрыть правду, люди сомневались в истинности казни. Скорость, с которой все произошло, заставила все это казаться неестественным и оставило чувство неудовлетворения у населения.

Но все это стало неважным, когда весь город потрясло известие. Церковь загорелась!

Благодаря быстрым распоряжениям священника и помощи горожан, пожар удалось остановить до того, как он охватил всю церковь, но около 40% храма оказалось непригодным для использования. В том числе были уничтожены кельи монахинь и приют, и многим детям, жившим при церкви, пришлось вернуться на улицы.

На этот раз никто не погиб, что ещё больше подтверждало правильность и быстроту принятых священником решений, но людей тревожила эта череда пожаров. Народ начал подозревать, и вскоре появились слухи. Слухи о том, что оба пожара произошли не случайно, а были преступлением, слухи о том, что алхимик невиновен и тоже стал жертвой, слухи о том, что алхимик жив и устраивает пожары, чтобы отомстить за жену.

Ни у кого не было точного ответа на вопрос о том, что происходит в городе, и каждый строил собственные теории, но так и не приходил к единому мнению. Это продолжалось до следующего дня, когда наконец выяснилась правда.

Одна из монахинь была найдена раненой, с вывихнутыми запястьями и ранами на лице. Она заявила, что сын алхимика напал на нее и оглушил, и что именно он, скорее всего, виноват в пожаре.

Священник также не нашел в своей комнате снаряжение, что добавило веса обвинениям. Барон вместе с городской стражей признал его виновным в поджоге церкви, и на его голову была объявлена награда в 10 серебряных монет.

Награда высокая для ребенка, но за содеянные им преступления она была оправданной. Начинаящие искатели приключений, нуждающиеся в деньгах, разбойники и городская стража обыскивали весь город в поисках Атоса, но безрезультатно.

Городская стража также обнаружила странную дыру в тюремном туалете, достаточно большую, чтобы ребёнок мог пролезть в неё, но даже после тщательного прочёсывания всех канализационных стоков они не нашли никаких следов преступника.

Атос исчез, и как бы усердно власти ни пытались, они не могли найти его местонахождение.

Они так и не нашли его, потому что он спрятался на виду. Атос сбросил своё снаряжение, оставив только короткий меч, из страха быть узнанным, смешавшись с бродягами трущоб.

Несмотря на все поиски, его лицо почти никто не знал, что позволило Атосу свободно передвигаться по трущобам, растворившись среди них.

У него также не было проблем с пропитанием, поскольку его навыки скрытности позволили ему стать прирождённым вором. Он медленно, но верно собирал предметы, необходимые для начала его мести.

Хотя Атос был талантлив, он понимал, что у него нет шансов против капитана стражи. Десятилетия опыта и тренировок не могли быть превзойдены двумя месяцами тренировок и природным талантом.

Если Атос хотел добиться успеха, то ему нужно было выровнять игровую площадку. И по счастливой случайности, он точно знал, как это сделать. Ему нужно было использовать свои навыки алхимика, а не воина, чтобы одержать победу.

Атос использовал сточные каналы для перемещения, но столкнулся с некоторыми непредвиденными обстоятельствами. Он был не единственным, кто знал об этом месте; охранники регулярно патрулировали его, а городские головорезы использовали это место для перевозки контрабанды.

Место было гораздо более оживлённым, чем представлял себе Атос, но он смог найти относительно укромное место, где он мог бы работать, не будучи обнаруженным. Он приготовил всё необходимое, что, как он считал, ему может понадобится, и покинул канализацию с хмурым выражением на лице.

Он легко выяснил, где живёт капитан стражи. Он был одним из самых сильных людей в городе, поэтому установить его личность не составило труда. Атосу было нужно лишь спрятаться в переулке около городской казармы и ненадолго усилить своё зрение маной каждый раз, когда кто-нибудь уходил, пока он не найдёт нужного человека.

Глава стражи был лысым мужчиной в возрасте ближе к 50-ти, но он не выглядел старше 30-ти. Мана в его теле замедляла процессы старения, позволяя людям, способным использовать ману, жить дольше обычных людей.

Под его глазами залегли глубокие мешки. Он провел последние несколько дней в поисках Атоса, мобилизовав всех подчиненных, которые у него были, но все было безрезультатно. Единственное, что они нашли, — его доспехи.

Он чувствовал себя истощенным, и все только ухудшалось. Барон отдал приказ о его отстранении, но он только вздохнул с покорностью, не имея сил оспаривать его. На фоне охоты на сына алхимика, похорон собственной дочери и депрессии жены увольнение казалось ему несущественным.

Поздно ночью перед домом капитана стражи.

“Гха... ну же, Гавин, ты сможешь.” Капитан стражи повторял это себе перед входной дверью, но у него не хватало духу открыть ее. После поджога церкви он был одержим охотой на Атоса и отказывался возвращаться домой, пока не найдет его, забросив свою горящую жену.

f□e□□ë□□□□el:çôm

Он знал, что ей больно, но из-за боли и гнева он думал только о себе и оставил ее одну. Однако, когда он вернулся домой и не обнаружил ни света, ни кого-то, кто бы ждал его, он вдруг осознал свою ошибку.

“Гха, нет смысла здесь стоять. Давай покончим с этим.” Сказал он себе, простояв почти 10 минут, собираясь с духом. Он открыл дверь трясущимися руками; на его лице было ясно заметно волнение.

Дом был разрушен, мебель поломана, ткань и одеяла порваны, а посуда разлетелась осколками по всему полу. Мысли Гавина мгновенно соскочили с режима "усталый" на "боевой", и на какой-то миг он испугался самого худшего. Но потом он увидел свою жену у дочери в комнате

— она сидела на кровати, согнувшись, и, видимо, уснула после сильного плача.

На ее руках были мелкие ранки, а в одежде — занозы от деревянной мебели, что указывало на то, что она пришла в ярость и крушила всё, что попадалось под руку.

Гавин расслабился и в который раз за вечер вздохнул, опуская руки. Его дом не был захвачен врагом, а жена — избита. Его жена сама всё переломала.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/92677/3021289>